

ЦИФРОВОЙ РЕГУЛЯТОРНЫЙ ДИАЛОГ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА В УЗБЕКИСТАНЕ: КОНЦЕПЦИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Бекмирзаев Фаррух Эркин угли

ведущий юрист, руководитель службы комплаенса, ТРЦ «Tashkent City Mall», Ташкент
| farruxbekmirzaev98@gmail.com

АННОТАЦИИ

Аннотация (рус.)

В тезисе рассматривается вопрос о том, как цифровые платформы взаимодействия государства и бизнеса (G2B) могут стать инструментом повышения качества нормотворчества, а не только каналом оказания услуг. Предложена классификация таких платформ по четырём группам (A–D), разработана модель «цифрового регуляторного диалога» и система KPI. На основе сравнения с Казахстаном и Азербайджаном выявлен конкретный пробел в узбекском регулировании.

Ключевые слова: цифровое взаимодействие G2B, электронное правительство, регуляторный диалог, Узбекистан, KPI, административные барьеры, бизнес-климат.

Annotatsiya (o'zb.)

Tezisdavlat va biznes o'rtasidagi raqamli platformalar (G2B) xizmatlar kanali sifatida emas, balki normativ ijod sifatini oshirish vositasi sifatida ko'rib chiqiladi. Platformalar to'rt guruhga (A–D) tasniflanib, «raqamli tartibga solish dialogi» modeli va KPI tizimi taklif etilgan. Qozog'iston va Ozarbayjon bilan qiyos asosida O'zbekiston tartibga solishidagi aniq kamchilik aniqlab berilgan.

Kalit so'zlar: G2B raqamli o'zaro hamkorlik, elektron hukumat, tartibga solish dialogi, O'zbekiston, KPI, ma'muriy to'siqlar, biznes-muhit.

Abstract (Eng.)

The thesis examines how digital government-to-business (G2B) platforms can function as tools for improving regulatory quality, rather than merely service delivery channels. A four-group classification of such platforms (A–D) is proposed, a 'digital regulatory dialogue' model and KPI system are developed. A comparison with Kazakhstan and Azerbaijan identifies a specific regulatory gap in the Uzbek context.

Keywords: G2B digital interaction, e-government, regulatory dialogue, Uzbekistan, KPI, administrative barriers, business climate.

1. Постановка проблемы

Работая с платформами регуляторных уведомлений и государственными порталами, замечаешь одно устойчивое противоречие: цифровизация госуслуг в Узбекистане продвинулась далеко вперёд, тогда как возможности бизнеса реально влиять на разрабатываемые нормы через те же самые цифровые каналы остаются слабо развитыми. Разрыв между сервисной и диалоговой функциями — вот та проблема, которой посвящён настоящий тезис.

В политической науке это противоречие хорошо известно. Концепция «регуляторного государства» [1] давно указала: качество регулирования зависит не только от содержания норм, но и от того, как они разрабатываются — с чьим участием и с какой обратной связью. Перенос этого принципа в цифровое измерение означает, что онлайн-платформы G2B должны не только ускорять транзакции, но и обеспечивать содержательный диалог бизнеса с государством в нормотворчестве.

Узбекистан в последние годы активно движется в обоих направлениях. «Стратегия цифрового правительства — 2028» [2] задаёт амбициозные ориентиры, а реформы делового климата получили признание Всемирного банка [3]. Однако диалоговая составляющая цифрового G2B взаимодействия — как именно предприниматели участвуют в нормотворчестве онлайн и насколько это влияет на итоговые решения — систематически не описана и не измеряется. Именно этот пробел требует заполнения.

2. Цифровые платформы G2B: попытка классификации

В литературе по e-government G2B давно выделяется как самостоятельный тип цифровых взаимодействий наряду с G2C и G2G [4]. Но применительно к Узбекистану ни разу не была предложена типология, различающая сервисную и диалоговую функции таких платформ. Восполнить этот пробел — одна из задач данного тезиса.

Проанализировав нормативную базу [5–7] и функционал действующих порталов, я выделяю четыре группы платформ по двум критериям: выполняемая функция и характер взаимодействия с бизнесом.

Гр.	Тип	Платформы	Основная функция
A	Регуляторно-диалоговые	regulation.gov.uz, my.gov.uz	Публичные консультации по НПА, участие бизнеса в нормотворчестве
B	Отраслевые сервисные	soliq.uz, таможенный портал, litsenziya.gov.uz	Электронные налоговые, таможенные, лицензионные услуги
C	Инвестиционные / ГЧП	pppda.uz, invest.gov.uz	Отбор и сопровождение проектов ГЧП, привлечение инвесторов
D	Защитные (омбудсмен)	business.gov.uz, govcontrol.uz	Обращения предпринимателей, мониторинг проверок, защита прав

Таблица 1. Классификация цифровых платформ G2B в Узбекистане

Принципиальный момент: группу А я намеренно ставлю первой, а не рассматриваю как вспомогательную к группе В. Именно регуляторно-диалоговые платформы формируют основу того, что в документах ОЭСР называется *regulatory impact assessment* — оценкой регуляторного воздействия с участием заинтересованных сторон [8]. Остальные группы важны, но без работающей группы А они остаются лишь сервисным окном, а не инструментом влияния.

3. Модель диалога и показатели эффективности

На основе проведённого анализа я предлагаю рассматривать взаимодействие государства и бизнеса через цифровые платформы как единый цикл — от поступления предложения или обращения до публичной отчётности о том, что с ним стало. Этот цикл включает пять связанных элементов: каналы (платформы А–D как единая сеть), субъекты (бизнес, госорганы, посредники), регуляторные процессы, аналитику данных и обратную связь. Ключевое слово здесь — цикл: диалог без видимого результата быстро превращается в формальность.

Чтобы этого не происходило, нужны измеримые ориентиры. Ниже — минимальный набор КРІ, которые, на мой взгляд, отражают качество диалога, а не только объём транзакций:

	Показатель	Источник данных
A — диалог	Доля предложений бизнеса, учтённых в финальной редакции НПА (%)	Отчёт regulation.gov.uz
A — диалог	Средний срок реакции разработчика на замечания (дни)	Метаданные портала
B — услуги	Доля процедур, завершённых полностью онлайн (%)	Транзакции my.gov.uz
C — ГЧП	Доля ГЧП-проектов с онлайн-мониторингом реализации (%)	Данные pppda.uz
D — защита	Доля жалоб, по которым приняты реальные меры (%)	Доклад бизнес-омбудсмена

Таблица 2. Предлагаемые КРІ цифрового регуляторного диалога

Первый показатель — доля учтённых предложений бизнеса — принципиально важен. Без него платформа консультаций остаётся витриной: предприниматели видят форму для замечаний, но не знают, влияют ли их слова хоть на что-то. Именно здесь, как показывает сравнение с соседними странами, Узбекистан пока отстаёт.

4. Сравнительный контекст и практические выводы

Сравнение с Казахстаном и Азербайджаном даёт интересную картину. По инфраструктуре платформ Узбекистан не уступает: regulation.gov.uz, govcontrol.uz, single window — вполне сопоставимые инструменты с egov.kz или e-gov.az. По оценке ОЭСР, система онлайн-услуг для бизнеса в стране развита, но механизмы обратной связи с предпринимателями в нормотворческом процессе остаются слабым местом [9].

Главное конкретное отличие — казахстанский regulation.gov.kz обязывает публиковать, сколько именно предложений бизнеса вошло в финальную редакцию НПА. В Узбекистане такого требования нет. Это не техническая мелочь: именно этот показатель создаёт стимул участвовать в консультациях, а для государства — реально прислушиваться к замечаниям.

Вывод простой: не нужно создавать новые платформы. Достаточно трёх шагов — ввести обязательную отчётность о доле учтённых предложений на regulation.gov.uz; связать платформы А–D в единый аналитический контур; и двигаться к единому «Порталу предпринимателя», объединяющему все четыре функции. Всё это вписывается в уже

утверждённую «Стратегию цифрового правительства — 2028» и не требует дополнительной нормативной базы.

Примечания

1. Moran M. Review Article: Understanding the Regulatory State // British Journal of Political Science. 2002. Vol. 32, № 2. P. 391–413. DOI: 10.1017/S0007123402000169.
2. Стратегия «Цифровое правительство — 2028» Республики Узбекистан (утв. Указом Президента РУз № УП-308 от 14.09.2023). URL: <https://dgov.uz/en/egov-strategy/>
3. World Bank Group. Doing Business 2020. Washington, DC: World Bank, 2019. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2019/10/24/doing-business-2020>
4. Jeong Chun Hai @ Ibrahim. Fundamental of Development Administration. Selangor: Scholar Press, 2007. ISBN 978-967-504-5080.
5. Закон РУз от 09.12.2015 № ЗРУ-395 «Об электронном правительстве».
6. Закон РУз от 29.08.2017 № ЗРУ-440 «О Бизнес-омбудсмене».
7. Закон РУз от 10.05.2019 № ЗРУ-537 «О государственно-частном партнёрстве».
8. OECD. Regulatory Impact Assessment. Paris: OECD Publishing, 2020. DOI: 10.1787/7a9638cb-en.
9. OECD. Insights on the Business Climate in Uzbekistan. Paris: OECD Publishing, 2023. DOI: 10.1787/317ce52e-en.

Раскрытие: Автор — практикующий юрист в коммерческой организации, пользующейся рассматриваемыми платформами. Исследование носит описательно-аналитический характер; конфликт интересов и финансирование отсутствуют.